

УДК 821.21.22.09

DOI: 10.21779/2542-0313-2023-38-3-96–104

М. Мирзоюнус

Диалог цивилизаций в «Западно-восточном диване» И.В. Гёте

*ГОУ «Худжандский государственный университет им. академика Б. Гафурова»;
Республика Таджикистан, 735700, г. Худжанд, ул. Мавлонбекова, 1; matluba.khojaeva@gmail.com*

Статья посвящена вопросам синтеза восточного и западного в «Западно-восточном диване». Отмечается, что Гёте с большим увлечением изучал литературу и культуру Востока и с великим почтением относился к творчеству Фирдоуси, Анвари, Низами, Джалаладдина Руми, Саади, Хафиза, Джами и др. В лице же Хафиза он нашел своего духовного брата. Почитал Священную книгу мусульман Коран. Рассматривая структуру «Западно-восточного дивана», автор размышляет о персидско-немецких названиях глав, о восточно-западном синтезе, об использовании восточных реалий. Дух «Дивана», по мнению автора, нельзя назвать однозначно восточным или западным – в нем все пересмещено. Особенности персидской поэзии, восточных образов и сюжетов сливаются с системой стихосложения, элементами народной немецкой песни, западными образами. Среди особенностей «Дивана» называются следующие: 1) любовь лирического героя не мистическая, как у персидских классиков; 2) логическая последовательность мысли у Гёте сохраняется; 3) в стихотворениях этого цикла высокий стиль соединяется с низким, восхваление – с сатирой, тогда как в персидской поэзии такой синтез невозможен. Главными идеями, отраженными в «Диване», являются четыре постулата, которым следовали и восточные поэты: отказ от двойственности и достижение единства; смотреть вглубь через кожуру в ядро; птица души находится в клетке тела; в красивом облике видна сущность Бога.

Ключевые слова: *диван, западно-восточный, Гёте, Хафиз, Маулави, персидские поэты, газели, мистика, синтез.*

Иоганн Вольфганг Гёте является одним из тех великих поэтов, которые с большим усердием, увлеченно и пылко изучали культуру, язык и историю Востока, неразрывно соединяя в своей поэзии Восток и Запад. По словам самого Гёте, «путь знакомства и любви к Востоку – это путь в рай. Высшую цель человечества – достигнуть рая – Гёте нашел в знакомстве с Востоком и неоднократно с гордостью говорил об этом: «Интерес к Востоку захватил все способности моей души. Большая удача! Потому что, будь это стремление сдержано, отвлечено в сторону, я никогда не сумел бы найти дороги в этот рай» [2, с. 449].

При всем том, что литература и культура Востока привлекали внимание Гёте с юных лет, настоящее его знакомство состоялось только после того, как поэт приступил к написанию «Западно-восточного дивана». Идея создания цикла зародилась благодаря знакомству поэта с переводами Фон Хаммера Пургштала. В своем письме к И.Ф. Котте, подарившему ему переводы Хафиза, 16 мая 1815 г. Гёте пишет: «Я давно уже занимался в тиши восточной литературой, и чтобы глубже познакомиться с нею, сочинил многое в духе Востока. Мое намерение заключается в том, чтобы непринужденным образом соединить Запад и Восток, прошлое и настоящее, персидское и немецкое, так, чтобы нравы и способы мыслить проникали друг в друга» [2, с. 713].

До этого времени Гёте перевел с арабского языка «Моаллакот», ознакомился с Кораном, арабской, индийской и персидской литературой. Он читал стихи Хафиза в местной прессе. Однако ввиду того, что они были разбросаны, у него не было возможности для их полного восприятия и осознания. После знакомства с переводами Фон Хаммера поэт был настолько переполнен чувствами, что невольно стал излагать их в стихотворениях, вошедших в цикл «Западно-восточный диван».

Любовь к Востоку побудила Гёте обратиться к «Жизнеописанию Мухаммада (а)» Элснера, к «Кобуснаме» Кайковуса в переводе Фон Дица, к «Истории религий древних персов» Томаса Хайда, к «Истории персидской риторики» Фон Хаммера, к «Религиозным обычаям и традициям персов» французского востоковеда А.И. Анкетила Дюперрона, к басням Бидпая, к латинскому трактату Т.В.Ф. Фрейтага, к «Арабским песням», к «Арабской грамматике и хрестоматии» гетингенского востоковеда И.Д. Микаэлиса и др., познакомиться с известными учеными Дицом, Лорсбахом, Сильвестром де Саси и задать им интересующие его вопросы по истории и культуре Востока. Персидский переводчик «Дивана» Куруш Сафави в своем предисловии отмечает 42 основных источника, к которым обратился Гёте при написании своего цикла и составлении примечаний и комментариев к нему.

В 1817 году он пишет: «Я продолжил для “Дивана” изучение характерных особенностей Востока, употребив для этого немалое время. Поскольку же искусство письма столь значимо на Востоке, то едва ли кто сочтет странным, что, не особенно занимаясь языками, я весьма прилежал каллиграфии в шутку и всерьез, воспроизведя со всем тщанием восточные манускрипты из числа доступных мне, – насколько мог, красиво, даже с различными традиционными украшениями» [2, с. 450].

Из числа великих поэтов Востока Гёте особо отмечал Фирдоуси, Низами, Анвари, Руми, Саади, Хафиза и Джами [9; 11; 12].

Знакомство с персидской поэзией полностью изменило духовный мир Гёте, он понял, что без нее его поэзия была бы неполноценной. В лице Хафиза он нашел своего духовного брата. Со своим восточным мировосприятием он заставил Гёте изучить и полюбить персидский язык, обычаи и обряды, историю и судьбу персидского народа; для человека, далекого от Востока, с другой культурой и мировоззрением это было непросто.

Для Гёте освоение восточного суфизма, свод поэтических тем и образов, изящное мастерство, поэтика стихов, соотношение понятий вина и виночерпия, цветка и соловья, свечки и мотылька, талисмана и четок и т. п. – всё было необычно.

В стихотворении «Нет, Хафиз, с тобой сравниться», вошедшем в цикл «Западно-восточный диван», поэт говорит:

Вовсе не разъединить
Запада с Востоком.
Меж различными мирами
Связь держать не прочь мы сами,
Мысли мудрой быстрым током
Свяжем Запад мы с Востоком.
Запад ли Восток – все равно
Пищей чистой кормят славно...

«Диван» состоит из 235 стихотворений. Кроме того, около 40 других стихотворений, близких по теме, вошли в раздел примечаний. Сам Гёте разделяет «Диван» на 12 разделов, называя их книгами. При этом он отмечает, что «Диван» Хафиза был составлен после его смерти наследниками. Каждую книгу Гёте снабдил двумя названиями:

одно – на персидском, а другое – на немецком языке. Порядок составления книг таков: «Моганин-наме», «Хафиз-наме», «Эшк-наме», «Тефкир-наме», «Рендж-наме», «Хикмат-наме», «Тимур-наме», «Зулейка-наме», «Саки-наме», «Масаль-наме», «Парси-наме», «Хулд-наме». В 1815 году Гёте в своем дневнике разделил «Диван» на 13 глав и в содержании четвертую назвал «Дуст-наме». Однако в окончательном варианте эта глава была упущена. «Эшк-наме» и «Зулейка-наме» были названы «Первая книга Зулейки» и «Вторая книга Зулейки», от которых поэт тоже отказался. Различие этих глав в том, что «Зулейка-наме» – это признание в любви к конкретной личности, образ которой создан со всеми присущими ей особенностями, а в «Эшк-наме» речь идет не только о любовных чувствах, но и о духовных и небесных понятиях. По объёму самая большая глава «Зулейка-наме», а самая маленькая – «Тиму-рнаме». Несмотря на то, что только глава «Хафиз-наме» посвящена Хафизу, его дух Хафиза витает во всех главах «Дивана», а имя упоминается во многих стихотворениях цикла. Гёте в «Диване» упоминает также: имена других поэтов – Фирдоуси, Анвари, Хагани, Саади, Низами, Руми, Джами; великих царей – Бахрамгура, Кайковуса, Джамшида, Мансура I, Музффара, Нушервана, Шопура I, Махмуда Гезневи, Шаха Шуджа; названия литературных произведений – «Шахнаме», «Меснави», «Панднаме»; литературно-исторических персонажей – Мухаммада, Зулейху, Хатема, Лейли, Меджнуна, Фархода, Ширин, Юсуфа, Рустама, Хурмуза, Рудобу, Вомика, Узро, Фотиму; города и местности, горы и реки – Иран, Бадахшан, Балх, Бомиён, Бухоро, Дарбанд, Зиндаруд, Самарканд, Шираз; персидско-арабские слова – Аллах, диван, арафот, базар, булбул, визирь, мирзо, саки, фетва, хиджрат, худ-худ, илохим и другие. Эти слова являются своеобразным «восточным одеянием» «Дивана», способствующим лучшему освещению тематики стихов. Однако нередко случается, что западные поэты ограничиваются только внешними факторами, а суть остаётся нераскрытой.

Большинство исследователей «Дивана» полагают, что невозможно анализировать стихотворения по отдельности. Эта мысль действительно кажется логичной, ибо при исследовании стихов прослеживается связь между ними которую можно назвать общим духом «Дивана». Его нельзя назвать однозначно восточным или западным – при всем изобилии особенностей персидской поэзии, восточных образов и сюжетов, рифмовки и редифов, художественных средств изображения, присущих восточной поэзии, за строками этих стихотворений видится немецкий поэт, осмысливающий восточные реалии. Примечательно, что за этими строками стоит западный человек, смотрящий на Восток глазами, полными любви, соединяющий западную симфонию с восточными мотивами и создающий уникальную полифонию, исходящую от стихов.

Известный востоковед И.С. Брагинский так высказывается о близости Востока и Запада в «Диване» Гёте: «Поверхностный читатель «Дивана» может вообразить, что в «Диване» западное – это содержание, а восточное – его форма, игра намеками и иносказаниями. На самом деле это не так. Что касается формы «Дивана», то в ней не меньше западного, чем восточного: система стихосложения, элементы народной немецкой песни, западные образы, в том числе из античной мифологии. Насколько же много в «Диване» идей, образов и сюжетов восточного происхождения, можно убедиться, если разобрать его содержание» [1, с. 579].

Есть несколько факторов, которые способствуют неразрывной связи восточно-западных элементов.

Учитывая, что слово «диван» – восточное, а «немецкий» указывает на западное происхождение, Гёте хотел назвать свой восточный цикл стихов «Немецкий диван». В сборнике Гёте не соблюдены правила составления диванов. В нем, как уже было сказано, чувствуются взгляд и восприятие западного поэта.

Для выражения своих мыслей поэт ищет восточные соответствия (мы наблюдаем это в названиях глав). Он называет себя Хатемом, а свою возлюбленную – Зулейка, хотя эти две личности в восточной литературе не имели никакого отношения друг к другу. Зулейка влюбилась в Юсуфа, который был намного моложе неё. Внимание поэта привлекают невероятная смелость и любовь девушки. Зулейка является символом красоты, силы и любви. Хатем же – символ мужества и щедрости. Хатем Гёте ради Зулейки готов на всё. Ему кажется, что Хафиз был скончавшимся, обещав за родинку возлюбленной только великие города Востока – Самарканд и Бухару. Возможно, из-за того, что имена Хатема и Хафиза близки по звучанию, поэт назвал своего героя этим именем. Следует отметить и то, что Зулейка была не вымышленной возлюбленной, а любимой женщиной поэта – Марианной Виллемер, чрезвычайно умной и смышлённой, красивой и талантливой. Марианна сама писала стихи. Стихотворения, которые вошли в сборник от имени Зулейки, по словам самого Гёте, принадлежат ее перу. В связи с этим немецкий поэт вспоминает предание о Бахрамгуре и его возлюбленной Дилором, являющихся первыми персидскими поэтами. Согласно преданию Бахрам произносит первую строку: «Манам он шери жаёну манам он бабри яла» («Я тот разъярённый лев и тот свободный тигр») и просит Дилором ответить второй строкой: «Ном Бахром турову падарат Буджибала» («Твое имя Бахрам, отца твоего звали Буджибала»).

Гёте не считал себя, подобно персидским поэтам, «меньше пылинки из-под ног возлюбленной», его любовь не была мистической. «Зулейка-наме» полна теплых и искренних чувств страсти мужчины к женщине, восхищения и воспевания ее достоинств.

Другая особенность «Дивана» заключается в следующем: в поэзии Гёте, в отличие от персидской, сохраняется логическая последовательность мысли. Поэтому каждое его стихотворение посвящается конкретной теме, имеющей начало и конец.

Еще одна особенность синтеза восточно-западных элементов проявляется в том, что в стихотворениях этого цикла высокий стиль соединяется с низким, восхваление с сатирой. В персидско-таджикской поэзии преимущественно использовался высокий стиль, и его смешение с другими стилями и сатирой считалось недопустимым.

«Диван» начинается со стихотворения «Хиджрат», которое, в отличие от других стихотворений, не имеет немецкого перевода. Хиджрат – это переселение пророка Мухаммада (а) из Мекки в Медину, чтобы спастись от врагов. Отсюда берет начало мусульманское (лунное) летоисчисление. Однако в стихотворении Гёте речь идет о духовном путешествии на Восток, поэт ищет пристанище в стихах Хафиза, ибо Север, Юг и Запад стали развалинами:

Север, Запад, Юг в развале,
Пали троны, царства пали.
На Восток отправься дальний
Воздух пить патриархальный,
В край вина, любви и песни,
К новой жизни там воскресни [1, с. 5].

С точки зрения поэта, Восток является родиной Пророка, там текут родники ума и света, и земной человек оттуда ведёт переговоры с Богом:

Там, наставленный Пророком,
Возвратись душой к истокам,
В мир, где ясным, мудрым слогом
Смертный вел беседу с Богом,
Обретал без мук, без боли

Свет небес в земном глаголе.
В мир, где предкам уваженье,
Где чужое – в небреженье,
Где просторно вере правой,
Тесно мудrosti лукавой,
И где слово вечно ново,
Ибо устным было слово [1, с. 5].

Газели Хафиза, по мнению Гёте, являются наивысшим образцом восточной поэзии. Настоящий мастер своими стихами входит в души людей и разогревает их. Его жизнь – это ежедневная борьба, поэтому, несомненно, его место в раю. Эту мысль Гёте утверждает и в цикле стихов «Хулд-наме».

В стихотворении «Повинование» поэт указывает на стих из Корана, где сказано: «Восток и Запад принадлежат Богу, и Север с Югом – также».

Богом создан был Восток,
Запад также создал бог.
Север, Юг и все широты
Славят рук его щедроты.
Справедливый и всезрящий,
Правый суд над всем творящий,
В сотнях лицов явлен нам он.
Пой ему во славу: «Amen!»
Сбил с пути меня лукавый,
Ты ж на путь наставил правый.
Дай мне правое упорство
На дела, на стихотворство [1, с. 8].

«Справедливый» – одно из имен Бога, отмеченных в Священной книге. Гёте неоднократно приводит цитаты из этой книги и на основе ее предписаний считает себя мусульманином:

Что книгой книг является Коран,
Я, мусульманин, истиной считаю [1, с. 8].

Здесь уместно вспомнить, что великие поэты уделяют меньше внимания религиозным предписаниям и тем самым лучше и глубже познают Бога. В качестве примера можно обратиться к Маулави, никогда не разделявшему людей на плохих и хороших. В его понимании главная цель – познать Бога и достигнуть истины. Поэтому, как отмечают исследователи, «несмотря на то, что у них разногласия в предписаниях, это внешнее противостояние не является причиной двойственности и разъединения, ибо у них у всех одна цель» [8, с. 101].

Главная цель немецкого поэта – отказаться от двойственности и достигнуть единства, смотреть вглубь «через кожуру в ядро». В своей поэзии Гёте представляется то мусульманином, то христианином. Он считает, что противоречие между религиями подобно сумасшествию:

Глупо, что хочет каждый иметь
На каждый случай свое сужденье.
Ведь, если Ислам – Аллаху служенье,
Нам жить в Исламе и в нем умереть [2, с. 55].

Однако, на наш взгляд познание им Бога отражено в стихотворении «Завет старо-персидской веры» из книги «Парси-наме». Пожилой перс (герой стихотворения) находит суть жизни в любви к огню и солнцу, являющимся религиозными символами древне-иранских народов. «Диван», – своеобразный гимн Солнцу, Огню, Любви и Высокому слову, т. е. Поэзии. Именно эти четыре первоэлемента, как утверждает Гёте, действительно заслуживают почитания и преклонения. (Вместе с тем следует отметить, что цифра 4 у Гёте, как и у персидских поэтов, используется для разъяснения многих вопросов. Четыре первоэлемента: земля, вода, ветер, огонь; четыре жизнетворных родника: любовь, вино, бой на поле битвы, сердечные чувства; четыре женщины, вошедшие в рай; четыре зенита, установленные в раю)

Последнее стихотворение «Дивана» «Прощайте» – предваряет пересказ предания о семи праведниках, которые не захотели признать Фараона своим богом – они верили только в Единственного Бога. К ним присоединилась собака, и все они благодаря своей любви к Богу и вере в Него навсегда остались молодыми и вошли в рай. В последнем стихотворении Гёте, используя это восточное предание, выражает надежду на то, что его стихи, как и эти поборники правды, останутся молодыми и бессмертными, ибо он тоже утверждал правду и стремился открыть путь к свету и любви в глубоком мраке. Поэт мечтает подобно собаке, присоединившейся к семи праведникам, найти путь к райским садам.

В «Тефкир-наме» поэт вспоминает слова Джалаладдина Руми: «Мир является родиной мук. Если ты останешься там, пройдет как сон, и если будешь путешествовать, также они будут с тобой. Пока ты будешь радоваться жаре и холоду, пройдет пора жары и холода и, пока смотришь на цветок, поднявший голову из земли, он завянет и упадет на землю» [4, с. 69].

Гёте, увлекаясь восточной мистикой, задумывается над основными ее проблемами.

1. *Отказаться от двойственности и достичь единства.* Так, в стихотворении «Гинго Билобо» речь идет о листке с дерева, привезенного из Японии. Дерево прекрасноросло в саду немецкого поэта. Разглядывая этот лист, разделяющийся подобно сердцу на две половинки, поэт ищет таинственный смысл:

И загадку, и сомненья
Разрешит мой стих один:
Перечти мои творенья,
Сам я – двойственно един [1, с. 73].

2. *Отказаться от кожуры и взглянуться в ядро.* Поэт полагает, что слово является кожурой, а его смысл – ядром, сутью.

Слово – как веер! В его проемы
На вас красивые глазки глядят.
А веер – как флер, прикрывающий взгляд.
Я, правда, не вижу лица самого,
Но девушка не скрыла его [2, с. 26].

3. *Птица души находится в клетке тела:*

«Бог услышал пение соловья и поместил его в золотой клетке, назвав его «душой». С той поры птица души находится в заточении в клетке тела» [4, с. 161]. В «Сакинаме» именно этот смысл вкладывается в уста Хатема:

А знаешь – наше тело – темница,

И душу обманом загнали во мрак [2, с. 100].

И в продолжение спрашивает: «Если тело подобно темнице, почему оно вечно испытывает жажду?».

4. *Видеть сущность Бога в красивом облике.* Возможно, размещение слов Зулейки после изречений Маулави в «Тефкир-наме» не является беспочвенным, ибо если в предыдущем стихотворении Гёте пришел к выводу о том, что нужно вовремя оценить раскрывшийся цветок, то теперь устами Зулейки снова повторяет эту мысль и называет красивое лицо отражением и блеском божественной истины. И добавляет: «Не удивляйся, если лицезрение красавиц держит тебя в пленах страсти и поднимет душу в высоту божественного лица, ибо в ту минуту, когда мы с восхищением смотрим на них, воистину в душе восхищаемся искусством Бога в сотворении шедевра» [4, с. 162].

Хотя имя Джалаладдина Руми только один раз упоминается во всем «Диване» дух Маулави и его мистические мысли плотно вошли в сборник. Доказательством может быть факт, приведенный самим Гёте в его черновиках. Согласно содержанию цикла за Титульным листом должно было следовать Посвящение (позже были убраны), в котором автор с почтением называет имена нескольких великих персидских поэтов. Первый в этом списке – Джалаладдин Руми. Оно начинается так:

«Да будут почтены: глубокомысленное «Месневи» Мохаммеда Джалаладдина Руми, высоконравственное «Пенди-аме» Ферадэддина, героическая «Шах-наме» Фирдоуси, благородное «Техфат-ахра» Джами...» [2, с. 715].

Таким образом, «Западно-восточный диван» по истечении более двух веков еще не устарел и, будучиозвучным духу нашего времени, продолжает диалог цивилизаций. Именно поэтому его переводят на свои языки народы Востока и Запада. Лучшие образцы переводов на персидско-таджикский язык принадлежат перу Мирсаида Миршакара, Хабибулло Файзулло, Лоика Шерали, Фарзоны, Куруша Сафави, Шуджоаддина Шифо, Махмуда Хаддоди и других [3; 5; 7; 10].

Литература

1. Брагинский И.С. Западно-восточный синтез в «Диване» Гёте // Гёте. Западно-восточный диван. – М.: Наука, 1988. – 600 с.
2. Гёте. Западно-восточный диван. – М.: Наука, 1988. – 901 с.
3. Гёте. Аз «Девони Ғарбӣ-шарқӣ» / сост. М. Мирзоюнус. – Худжанд: Нури маърифат, 2008. – 401 с.
4. Девони ғарбӣ-шарқӣ. Тарҷумаи Куруши Сафавӣ. – Техрон, 1380. – 256 с.
5. Иоганн Волфганг Гёте. Девони шарқӣ. Тарҷумаи Шӯроаддини Шифо. – Техрон, 1380. – 280 с.
6. Кессель Л.М. Гёте и «Западно-восточный диван». – М.: Наука, 1973. – 119 с.
7. Лоиқ. Хонаи чашм. Тарҷумаҳо. – Душанбе: Ирфон, 1982. – 372 с.
8. Миришакар М. Иоханин Гёте. Тарҷумаҳо // Адабиёт ва санъат. 1986. № 21.
9. Мирзоюнус М. Вклад Фрица Майера в развитие восточно-западных литературных связей // Ученые записки Худжандского государственного университета им. акад. Б. Гафурова. Сер.: Гуманитарно-общественные науки. 2019. № 4 (61). – С. 63–66.
10. Фуруzonfar Бадеуззамон. (9) Хулосай маснавӣ. – Техрон, без указания года издания.

11. *Ходжаева М.Ю.* Изучение восточной литературы на Западе // Ученые записки Худжандского государственного университета им. акад. Б. Гафурова. Сер.: Гуманитарно-общественные науки. 2012. № 1 (29). – С. 234–239.
12. *Ходжаева М.Ю.* О таджикских (персидских) переводах «Западно-восточного дивана» Гёте // Ученые записки Худжандского государственного университета им. акад. Б. Гафурова. Сер.: Гуманитарно-общественные науки. 2015. № 4 (45). – С. 77–80.

References

1. *Braginsky I.S.* West-Eastern synthesis in “Divan” by Goethe // Goethe. West-Eastern divan. – M.: Science, 1988. – 600 p.
2. *Goethe.* West-Eastern divan. – M.: Science, 1988. – 901 p.
3. *Goethe.* From “West-Eastern divan” / compiled by M. Mirzoyunus. – Khujand: Light of Enlightenment, 2008. – 401 p.
4. West-Eastern divan. Translated by Kurush Safavi. – Tehran, 1380. – 256 p.
5. *Johann Wolfgang Goethe.* Eastern divan. Translated by Shujoaddin Shifo. – Tehran, 1380. – 280 p.
6. *Kessel L.M.* Goethe and West-Eastern divan. – M.: Science, 1973. – 119 p.
7. *Loiq.* The house of eyes. Translations. – Dushanbe: Cognition, 1982. – 372 p.
8. *Mirshakar M.* Johann Goethe. Translations // Literature and art. 1986. No. 21. – Pp. 101.
9. *Mirzoyunus M.* Fritz Mayer’s Contribution into the development of East-Western literary ties // Scientific Notes of Khujand State University named after academician B. Gafurov. Series of Humanities Sciences. 2019. No. 4 (61). – Pp. 63–66.
10. Furuzonfar Badeuzzamon. (9) References to Masnavi. – Tehran, without indicating the year of publication.
11. *Khojaeva M.Yu.* Studies of oriental literature in the West // Scientific Notes of Khujand State University named after academician B. Gafurov. Series of Humanities Sciences. 2012. No. 1 (29). – Pp. 234–239.
12. *Khojaeva M.Yu.* About Tajik (Persian) translations of “West-Eastern Divan” by Goethe. // Scientific Notes of Khujand State University named after academician B. Gafurov. Series of Humanities Sciences. 2015. No. 4 (45). – Pp. 77–80.

Поступила в редакцию 10 февраля 2023 г.

UDC 821.21.22.09

DOI: 10.21779/2542-0313-2023-38-3-96-104

Dialogue of Civilizations in “West-Eastern Divan” by I.V. Goethe

M. Mirzoyunus

Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov; Tajikistan Republic, 735700, Khujand, Mavlonbekov st., 1; matluba.khojaeva@gmail.com

The article dwells on the issues concerned with synthesis of the eastern and western in “The West-Eastern Divan”. It is noted that Goethe canvassed the literature and culture of the Orient with great

enthusiasm and had great respect for Firdawsi's, Anvari's, Nizomi's, Jaloluddin Rumi's, Saadi's, Hafiz's, Jami's creations etc. In Hafiz's face, he found his spiritual brother. He also revered the holy book of Muslims – the Qur'an. Considering the structure of “The West-Eastern Divan”, the author reflects on the Persian-German titles of chapters on the East-West synthesis and on the Oriental realities usage. The author of the article believes that the spirit of “The Divan” cannot be invoked unequivocally eastern or western, because everything is mixed in it. The abundance of peculiarities of the Persian poetry, oriental images and plots merge with the system of versification, the German folk song elements and the Western images as well. Among the peculiarities of “The Divan” are the following ones: 1. The love of lyrical hero is not mystical, as in the Persian classics; 2. If the Persian poetry is characterized by scattered meaning, then Goethe retains logical sequence of thought; 3. In the poems of this circle, the higher style is combined with lower style, the praise with satire while in the Persian poetry such synthesis is impossible. The main ideas reflected in “The Divan” are the following four postulates, which were followed by Oriental poets: rejection of duality and achievement of unity; look deep through peel into the core; the bird of soul is in the cage of body; in beautiful form the essence of God.

Keywords: *the Divan, west-east, Goethe, Hafiz, Maulavi, Persian poets, gazelles, mysticism, synthesis.*

Received 10 February 2023